НИКОЛАЙ МОРШЕН

ДВОЕТОЧИЕ

1967

НИКОЛАЙ МОРШЕН

ДВОЕТОЧИЕ

Вашингтон, Изд. Русского книжного дела в США
Victor Kamkin, Inc.

1967

Все права сохраняются за автором
All rights reserved

Publisher: Victor Kamkin Inc., 1410 Columbia Road
Washington, D. C., 20009

*
**

Шагаю путаной дорогой —
Подстать догадкам.
И рядом с тенью длинноногой
Кажусь придатком.

Она переставляет ноги —
Мне тоже надо.
Она присядет у дороги —
И я присяду.

Она быстрее зашагает —
И я быстрее.
Она, споткнувшись, захромает —
И я за нею.

А солнце к западу катилось
И — закатилось.
Где ж тень моя, скажи на милость,
Что с ней случилось ?

Свисают звезды понемногу
Всё ниже, ниже . . .
Гляжу на Млечную дорогу
И снова вижу,

Что заполняет мирозданья
Все измеренья
Мое сознанье-подсознанье
Своею тенью.

Тень улыбается иль плачет —
И я за нею.
Она страшится неудачи —
И я робею.

Она к высотам горним прянет —
Я тоже пряну.
Она стремиться перестанет —
Я перестану.

. . . Нужны мне спутники — причины
Для всех событий !
За сценой скрытые пружины,
Колеса, нити !

Пусть нить, пусть тень, пусть отраженье,
Но чтобы — двое !
Я не хочу, чтобы движенье —
Само собою !

Я не желаю в одиночку
Ни днем, ни ночью !
Я смерть трактую не как точку —
Как двоеточье:

*
* *

Закат вчерашний не поблек,
Не стаял прошлогодний снег,
Не смолк далекий соловей
В волшебной памяти моей.

Что ей пятнадцать лет назад ?
Что тридцать лет ? Что сорок лет ?
Вдруг вспомнятся — то снег и град,
То смех и грех, то свет и цвет.

О, памяти земной река,
Ты здесь светла и широка,
Но как найду я путь во тьму,
Туда, к истоку твоему,

Где хлещет темная струя
Из пропасти добытия ?

ДУШЕ

И я считал тебя подчас
Подобьем люка иль колодца,
Источником поспешных фраз
И безответственных эмоций.

То неврастеник, то герой,
То совестливый собеседник,
То обвинитель, а порой
И адвокат не из последних,

Ты вскользь упоминалась там,
Где хвастались душой большою,
Иль разговором — по душам,
Иль исполнением — с душою.

Но, подходя к своей душе
Впервые, может быть, вплотную
И отрываясь от клише,
Как я тебя наименую ?

Сквозь снег и стужу, пыль и зной,
По тропам свежим и забытым
Ты движешься передо мной
Разведчиком и следопытом.

Тому, кто к шепоту привык
Твоих скупых напоминаний,
Они — как рев береговых
Сирен для кораблей в тумане.

О чем шмели теперь гудят ?
О чем шумят над нами ели,
Как миллионы лет назад
Хвощи гигантские шумели ?

Кто начинал тогда с азов ?
Кого вела ты этим краем,
Где мы, держась его следов,
На нечто большее дерзаем ?

Отсчитывая день за днем,
Мы будущее не торопим,
Но в некий час мы подойдем
К еще не проходимым топям.

Костями здесь мостится гать
К тому, что называют раем.
Но нас с тобой не испугать:
Ведь мы не оба умираем.

Мне гибнуть здесь, как гибнут сплошь
Идущие путем творимым,
А ты одна теперь пойдешь
Назад за новым пилигримом.

Но к твоему прильнув плечу,
В последнем шепоте, как в дыме,
Я на прощанье различу
Слова, всего неповторимей.

*
**

Среди туманностей цепных,
Галактик здешних и иных,
Спиральных и дискообразных,
Комет, как скука, ледяных,
Пространств, прилежных или праздных,
Среди орбит, среди лучей,
Среди отсутствия вещей,
Среди космической глуши,
Среди кладбищенской тиши,
Среди молчанья мирового,
Ни с кем страданья не деля,
Летит, кружит, поет Земля,
Окутанная дымкой Слова.

И мнится мне, что ей одной
На долю выпал звонкий жребий:
Быть первой клеточкой живой,
Стать Вифлеемскою звездой
В еще бездушном, косном небе.

*
**

. . . И развевался в отдаленье
Флаг на линейном корабле,
Когда по щучьему веленью
Исчезли люди на земле.

Еще крутился вал шарманки,
Дудя в какую-то трубу,
И попугай тащил из банки
Несбудущуюся судьбу.

И в подозрительном отеле,
Где ночевали, кто хотел,
Еще постели не успели
Изгладить отпечатки тел.

В дверях распахнутого храма
Сновала взвешенная пыль,
И выл из придорожной ямы
Свихнувшийся автомобиль.

Аквамариновые шпили
Шли параллельно в эмпирей
И в бесконечности сходились
В равнобесцельности своей.

⁂

Бессмертия сон золотой.
Георгий Иванов

Ты смотришь, как рушатся рощи,
Как никнут и вянут цветы,
И сетуешь, мудрствуешь, ропщешь:
Бессмертия требуешь ты.

Ты требуешь дивного права
Своей не кориться судьбе.
И вот уже ангел лукавый
Бессмертье дарует тебе.

. . . .

Эпоху сменяет эпоха.
Среди оголенных равнин —
Ни слова, о друг мой, ни вздоха ! —
И ты остаешься один.

А Солнце гудит, свирепея,
Растет до планетных орбит,
Чудовищной силой своею
Планеты оно пепелит.

Лишившись Земли постоянства
И сил тяготенья ее,
Несется в пустое пространство
Бессмертное тело твое.

Давясь многократными тьмами,
Сгибаясь в неравной борьбе,
Слабеет о прожитом память,
И — что ж остается тебе ?

Надежда ? Надежда на что же ?
На то ль, чтоб во тьме светолет
Хоть отблеск увидеть, похожий
На звезд забываемый свет ?

*
**

« Не убежишь ! Хоть круть, хоть верть ! —
Твердят постигшие умы. —
В час правды к нам приходит смерть... »
Нет ! Это к ней приходим мы !

Идем — как жертва к палачу.
Ведут — как к мяснику быка.
Казнь и убой ! А я хочу —
Как два бойца, как два клинка !

Пусть — бык ! Но чтобы — матадор !
Чтоб, как Давид и Голиаф !
И чтобы шанс, и чтобы спор,
И — даже — смертью смерть поправ !

Но тщетно смертная рука
Сжимает крест или ланцет:
Отмены смерти нет, пока
Замены нет.

*
**

Осенний жалуется норд,
Своей не веря жалобе,
А волны хлещут через борт
И мечутся по палубе.

Народ к бортам идет, скользя.
Покрыты шлюпки пеною.
Но много брать с собой нельзя —
Берут лишь драгоценное.

Вот этот с кольцами идет,
Тот — с манускриптов пачкою,
Кто фотографии несет,
Кто носится с собачкою.

Что ж — с Богом ! Через день-другой
Мотанья океанного
Швырнет их на берег прибой
И жизнь начнется заново.

. . . .

Нахлынет смерть из темноты,
Как те валы осенние,
И окунешься в вечность ты
Без шансов на спасение.

Шепнуть, что где-то есть прибой,
В порыве откровенности ?
Но что захватишь ты с собой —
Какие драгоценности ?

Глубокомысленную ложь
Да истины убогие ?
Иль страх, что Божьим ты зовешь,
Продукт физиологии ?

К чему ж бессмертия прибой
Потомку человечьему ?
Живи, и жизнь твоя с тобой,
Но воскресать в ней — нечему.

АББАТУ,
завещавшему свои глаза слепому мальчику

Нет, не весь я умру!
Гораций

Чудесный труд окончил скальпель острый.
Зрачки живут и заново глядят
На нищий мир, сверкающий и пестрый —
Цыганский табор в листопад.

Но мальчик видит снежные вершины
В уборе непорочном и простом,
Нагорный свет, струящийся в долины,
И за решеткой холмик под крестом.

Пусть этот холмик скоро станет кочкой
(Могильный червь и спор и деловит) —
Аббата радужная оболочка
И прах переживет, и тленья убежит.

Мы смертны все : аббат или поэт.
Но как шумит бессмертие над нами,
Когда, прозрев, слепой увидит свет,
И мир, и небо нашими глазами !

*
**

Клубились ночи у реки,
Вулканы извергали пламя,
Светились папоротники
Палеозойскими огнями,

Когда, с разрезом скифским глаз,
Из тьмы болота выполз ящер —
Ступил на землю в первый раз
Мой пресмыкающийся пращур.

Нет, он предугадать не мог
Разлив грядущих поколений,
Неиссякающий поток
Взаимосвязанных явлений,
Меня в цепочке появлений,
Мой мир, где рядом Планк и Блок !

Но я ? Что я за существо ?
Куда иду я и откуда ?
Как мне предугадать того,
Чьим скромным пращуром я буду,
Весь мир его, подобный чуду,
Дела и помыслы его ?

Он явится. Пройдут века . . .
Да что века — мильонолетья !
И вспомнит нас издалека
Таинственный потомок третий.

И вот случится волшебство:
Сольются в точку расстоянья,
И в рай сознания его
Мы прорастем своим сознаньем.

Проявятся из серой мглы,
Вещественны и непреложны,
Все, как бы ни были малы
И как бы ни были ничтожны.

И в этой радостной гурьбе,
К начал началу нисходящей,
Найдется место и тебе,
Мой пресмыкающийся пращур !

*
**

За каждою гранью — свое мирозданье.
Смотри, я сейчас поднимаю листок.
Ты видишь — под ним копошится созданье:
Стоножка ? двухвостка ? улитка ? жучок ?

За льдиной — тюлени, за глыбой — медведи,
За речкой — селенье, за стенкой — соседи,
Свое кукованье за каждой сосной,
И сердце — за каждою клеткой грудной.

Весь мир поделен на мирки, на мирочки,
Куда ни толкнись — номерки, номерочки,
Такие барьеры, такая раздельность,
Что вера невольно растет в запредельность.

. . . Зевали кефали, смотрели макрели,
Как в небо летучие рыбы летели —
Не то, чтобы в небо, а чуточку ниже,
Но дальше от жижи и к солнцу поближе.

С восторгом проклюнувшегося орленка
Они прорывались сквозь влажную пленку
И мчались по новооткрытым орбитам,
Подобно болидам и метеоритам.

И мне бы промчаться зазубренной тенью
Сквозь все отрицанья и недоуменья,
Сквозь все средостенья прорваться и мне бы
И рыбой, и рыбой, и рыбой — по небу !

*
**

Шагает, как военнопленный,
Журавль со сломанным крылом.
Так бродим мы перед вселенной
С неполноценным словарем.

Нельзя одним души усильем
Взлететь навстречу небесам.
Ему нужны для взлета крылья,
Нам — « Эврика ! » или « Сезам ! »

Блажен, кто с рвением и верой
В жизнь входит, как рыбак в ручей,
Кто с детства дышит атмосферой
Наименованных вещей.

Он из породы ванек-встанек.
Его не вышвырнет вверх дном.
Как дома, в зарослях ботаник
И в безвоздушье астроном.

Вдвойне блажен первосвященник
В броне обрядов и цитат:
Того подводные теченья
Как лжеученья не прельстят.

На всем, чего не называем,
Мы ставим крест и молвим « Нет ! »
Но что же делать нам с тем краем,
Где ни обрядов, ни планет ?

Где формы, первобытно голы,
Как раковины на песке,
Гудя, беседуют на полу -
Иль вовсе чуждом языке ?

Там край неначатой разметки,
Там непочатый край работ . . .
Астросвященники — в разведку !
Первоботаники — в поход !

Как знать ? А вдруг на дне колодца
Еще отыщем слово мы,
И журавлиное срастется
Крыло до траурной зимы.

⁂

Все то, что мы боготворим,
Покуда за бортом.
О нем всерьез поговорим
Когда-нибудь потом.

Когда веселая заря
Вдруг выявит сквозь дым
Все то, что мы, Бого-творя,
Из праха создадим.

Не так, как Ротшильд или Крез
Свой первый миллион,
Не из ребра, не из чудес,
Но как Пигмалион.

Не так, как смотрят сверху вниз,
А так, как снизу рвутся ввысь,
Когда больших поэтов стих
Перерастает их самих.

Когда в веках гудит строка,
Как вихрь, как пламя, как река,
О том, что в ней, в одной из строк,
Б е с с м е р т ь я , м о ж е т б ы т ь , з а л о г .

РАЗГОВОР О ЕЛЕНЕ КЕЛЛЕР

Ты только вдумайся: взамен
Вот этого куста сирени,
Зеленых крыш, и белых стен,
И доносящегося пенья —

Ни зги, ни шороха извне.
Но в кропотливом осязанье
Растет в кромешной тишине
Нащупанное мирозданье.

И, как цветок из темноты,
Ей раскрывается навстречу.
Так, значит, можно ! Ну, а ты
С дареным зреньем, слухом, речью,

Скажи, что ты преодолел,
Чтоб свой перешагнуть предел ?

*
* *

Уходит осень по тропинке,
Плечами зябко шевеля.
Ложатся первые снежинки
На перелески и поля.

Вглядись: они сложны и разны
В своей кристальной простоте.
Вот эти кружевообразны,
И веерообразны те.

Все непохожи друг на друга
(Как враг походит на врага).
Зимою наметет их вьюга
В сугробы выше сапога.

Затем приблизится вплотную
К ним смертоносная весна,
Переведет их в жизнь иную,
Иноподобную она.

Сливаясь в тающем потоке,
Намек на личность утеряв,
Они покорно вступят в соки
Стволов, стеблей, листов и трав.

И затрепещут как росинки,
Встречая летнюю зарю.
А дальше — лето по тропинке
Уйдет навстречу сентябрю.

*
**

Не горюй, не горюй — ветер с юга идет,
Поднимаются реки, ломается лед,
Оставляют метели свою канитель,
И капели несут дребедень про апрель.

Над землею звезда на востоке горит.
Под землею мертвец мертвецу говорит:
« Возвращается ветер на круги своя,
Ну, а я ? »

*
**

По тревоге, на весну похожей,
По совсем охотничьему зренью,
По удачам, по гусиной коже
Я тебя узнаю, вдохновенье !

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Дым клубился. Строчка остывала,
Покрываясь коркой. Из глубин —
Прежде звездных — небо рассветало.
Вечер был и утро: день один.

СЛОВА

Брал их штурмом, прорывом, битвой,
Словно передний край.
Брал послушаньем, постом, молитвой,
Словно дорогу в рай.
Было и счастье — реже и проще:
Россыпи золота осенью в роще —
Думай, ходи, подбирай.

У СЛОВАРЕЙ

За пыльным томом — пыльный том,
А в них слова стоят гуртом,
Стоят в покое незавидном,
Стоят в бесплодии пустом,
Псевдопорядке алфавитном.

Стадами согнаны сюда
Из всех краев, за все года,
Стоят, не горячась, не прячась,
Но не рождает никогда
Количество в них новых качеств.

А мне б не тысячи голов —
Табун хотя бы в сотню слов
Иль просто тройку у крыльца . . .
Да нет ! Как в песне говорится:
Чернее смоли жеребца,
Белее снега кобылицу !

Я их пущу на счастье в ночь
Пером по ожившей бумаге.
На белом черное — точь-в-точь
Скрещение — не шпаг ! — двух магий.

. . . В степи лишь ветер, как пожар,
Земли от топота дрожанье,
Да полыханию Стожар
Навстречу рвущееся ржанье . . .

Ударят трижды в берег воды,
И трижды крикнут петухи,
Что нужно ждать к зиме приплода,
Что звери, люди и стихи —
Все братья, все одной породы,
Не прихоть — но закон природы,
Ее успехи, не грехи.

ОТВЕТ НА НОТУ

«... то, что принято называть
парижской нотой...»
Из статей

А ты, бедняк, я вижу, заново
Поешь о том, что мы умрем?
Поверь, что жизнь так многопланова,
В ней столько тайного и странного,
Не обреченного на слом.

Пусть кролики с глазами пьяницы
Следят в испуге, как удав
К ним ближе тянется и тянется,
А ты бы загадал желаньице,
Да помечтал бы, загадав:

« Хочу, чтоб создавало творчество
Из бунта храмы, а не храмики,
Чтоб побеждало смертоборчество
Второй закон термодинамики...»

Я на такое предложение
Твое предвижу возражение,
Что мысли эти — отражение
Моей игры воображения.
Не отрицаю. Но пойми:
Затем в бессрочное владение
Нам и дано воображение,
Чтоб приходило все в брожение,
Чтоб все играло, черт возьми!

Твое ж о смерти многослезие
Есть род трагической амнезии
(Долг поэтический забыт),
Капитуляция поэзии
Пред очевидностью (о стыд !),
Пред тем, что ведомо заранее.

. . . Глядим в небесное сияние,
Свои устало шепчем жалобы,
А там — в насмешку ? в назидание ? —
Летит крылатое желание,
Шестимоторное, Дедалово . . .

Желали ж люди небывалого.

*
**

Поэты атомного племени,
Мы не из рода исполинского,
Мы гибнем без поры, без времени,
Как недоносок Боратынского.

Мы тоже ищем в мире Зодчего,
Но, не желая долго мучиться,
Мы живы верою доходчивой
В идею всёведьникчемучества.

Мы тоже можем грезить демоном,
Но забываем то и дело,
Что задается эта тема нам
Не Лермонтовым, а Максвеллом.

И мы сгибаемся под бременем
Того, что быть должно бы знаменем,
Рождаясь в веке двоевременном:
Плоть — в атомном, а души — в каменном.

ОДА ЭВОЛЮЦИИ

О суета непраздная
Движения капризного:
То падая, то прядая,
То загодя, то сызнова,
То взапуски да взашеи,
То исподволь да впрохолонь,
То стежкой черепашьею,
То в поднебесье соколом!..

И тропы-то нехожены,
И цели-то неведомы,
И очень редко можем мы
Похвастаться победами —

Но через страны и века
От альфы и до ижицы,
Как в алом небе облака,
Все плавится и движется:

От мрака к свету,
От слова к фразам,
Из праха — клетка,
Из клетки — разум.

А что за этим?
Ты ждешь ответа?
Тебе на это
Мы не ответим:

Чужим словам
Доверья нет —
Попробуй сам
Сыскать ответ.

БАШНЯ

Росла — и полнился провал
В радушном небе.
И, оживая, прозревал
Счастливый щебень.

Но покачнулась башня вдруг,
Напомнив Пизу.
Ее карнизы рядом дуг
Метнулись книзу.

И та, что света быть могла
Восьмое чудо, —
Обиды, камня и стекла
Слепая груда.

Идея канула ко дну
Первичной ночи.
Ты осознал свою вину,
Неловкий зодчий ?

*
* *

Повисла ива у обрыва,
Где, размывая берега,
О, как поет у корня ивы
Быстротекущая река !

С какою щедрою игрою
Уносит вдаль она свое
Непостоянное, хмельное,
Поверхностное бытие !

Но за сверкающею гранью
Течет, прозрачна и черна,
Таинственнее подсознанья
Медлительная глубина.

Где ограничило движенье
Свои свободы и права
И где вода, как вдохновенье,
Целенаправленно трезва.

СЖИГАЯ ЧЕРНОВИКИ

Из перечеркнутых строк
Я разобрал едва:
« Истлеет пусть листок —
Останутся слова ».

Был стих позабыт совсем,
И сколько ни вспоминал,
Я вспомнить не мог, зачем
И где я это сказал.

По-детски был честен слог,
И мысль была не нова:
« Истлеет пусть листок —
Останутся слова ».

Но внял я строкам своим,
Возникшим как бы извне,
И вдруг подчинился им,
Не дал им гореть в огне,

Покуда трижды не смог
Зарифмовать сперва:
« Истлеет пусть листок —
Останутся слова ».

*
**

Звезда на небе. Сколько слез и слов,
И сколько клятв, и сколько междометий,
Сердец и чувств ! В течение столетий !
И сколько рифм, и сколько строк и строф !

Но и к умам ей путь открыт и прост:
Волхвы за нею шли благоговейно,
Шли мореходы . . . Даже и Эйнштейну
Не обойтись без неподвижных звезд.

Да, выбрать тему так, что навсегда б
Пленен был всякий — вольный или раб,
Герой иль трус, отшельник иль безбожник,

Свой замысел на полотне ночном
Осуществить единственным пятном —
Какой бы здесь не отступил художник !

ПОТОК И ЛУЖИ

Свалился ливнем с облаков,
Как падший ангел, прямо в балку,
В которой испокон веков
Наш городок устроил свалку.

Там, взбеленившись, бушевал,
Так, что земля от страха мякла,
Припомнив и девятый вал,
И у конюшен тень Геракла.

Он начисто всё смыл и смёл
Единым махом, без помарки,
И засверкало дно, как стол
Под тряпкой доброй куховарки.

И, пригибая край земли,
Он скрылся с грохотом вдали,
Землетрясению подобен,

А лужицы еще цвели,
Вдруг очутившись на мели
Среди промоин и колдобин.

Жаль, высохли. Они свои
Дни прожили светло и просто:
В них днем купались воробьи,
А ночью отражались звезды.

ВСТРЕЧА С ЗАРЕЙ

Подглядел — вот теперь и рассказывай
Про кудесницу, да про искусницу,
Предвещавшую дымкой топазовой
Полыханье огня в златокузнице.

Осыпа́вшую пылью рубиновой
Напорхнувший снежок под откосами,
Разводившую охру и киноварь,
Щеголявшую гроздью рябиновой
В светлой шали над рыжими косами.

Так сбываются в жизни пророчества,
Так свершается все, чего хочется,
Все, что было на картах разложено
И цыганкой за грош наворожено.

Говорливою, неугомонною,
Грудь в монистах, и брови подковою,
Нагадавшею встречу червонную
Мне да с дамой бубновою.

*
**

В отходящем, уже холодеющем дне
Заменись желтизна синевою !
Догори, доиграй, допылай в тишине
Над пожухшей от пыли травою !

Чем еще любоваться в смятении нам,
Кроме смены тонов и оттенков,
В мире схем, конференций, таблиц, стенограмм,
В мире партий, программ и застенков ?

Где полярные льды затирают весну,
Где подсолнух поник головою,
Где голодные псы по ночам на луну
Заунывно стенают и воют ?

Где сгибают в бараний, как водится, рог
Всех, кто верит и мыслит инако,
Где надеются тщетно, седеют не в срок,
Говорят невпопад . . . И однако

В мире тусклых надежд и бездомных собак
По утрам расцветают цветы.
И встает Будапешт. И ведет Пастернак
Разговоры с бессмертьем на ты.

Возникают живые как ртуть полыньи.
Собираются в строчки слова.
Загораются солнца. Гремят соловьи.
И асфальт разрывает трава.

ТКАНЬ ДВОЙНАЯ

Что без читателя поэт?
Он монолог (вне разговора),
Он охромевший Архимед,
Лишенный подлинной опоры.

Свидетель будет лицезреть
Явленье и поймет законы,
А яблоку нелепо зреть
Без Евы, падать без Ньютона.

Что делать — так устроен свет,
Не нам менять порядки эти:
И пол, и полюс, и поэт
Равно нуждаются в ответе.

На высший суд призвав меня,
Когда окончатся все сроки,
Мне в преступление вменят
Мной недотянутые строки.

И гневно вопросят в упор:
« К чему ты наплодил уродцев? »
Но я не сдамся на укор
И так попробую бороться:

« Я не горжусь своим стихом.
Неточен почерк мой. Однако
Есть у меня заслуга в том,
Что я читатель Пастернака. »

НА ЗАКАТЕ

С вожделеньем и с содроганьем,
Как голодный — краюхой хлеба,
Я любуюсь хвостом фазаньим,
Разметавшимся на полнеба.

Нет ! То небо теряет силы,
Сколько воплей и сколько стонов !
Словно в каждом мазке — бациллы,
Словно каждый огонь — антонов.

Видишь, солнце уже повсюду
Гаснет: в море — цыганским пшиком,
На прибрежном песке — полудой,
На тропинке — случайным бликом,

На откосе — полоской ржавой,
На скале — оторочкой бурой . . .
О, не так ли былая слава,
Гордость наша — литература . . .

(Что виною — подкоп иль подкуп ?
То, что было огнем и чудом,
Выдано головой на откуп
Лизоблюдам и словоблудам).

Нагло светит из-за забора
Лик луны, разжиревшей за день,
Желтым светом своим, который
Отражен, то-есть ложен, краден.

Но затмит ее облаками
И яснее станет при этом,
Что мерцает море, как память,
Фосфорическим скрытым светом.

*
**

Только руками кусты раздвину —
Небо увижу сквозь паутину,
Сквозь переплет из паучьих слюнок,
Пятиугольник
Из паутинок,
Из бусинок-росинок
Замысловатый рисунок.

Здесь на опушке в солнечном свете,
Как на ладошке, всё на примете:
Ветви налево, травы направо
Шепчут согласно: « Слава, слава ! »
И облаков белоперых стая,
Перелетая . . . летая . . . тая . . .
Вдруг синевой изнутри окрасится.

Так почему ж в этой храмине синей
Муха звенит и звенит в паутине,
Как над сыпучим песком пустыни
Глас вопиющего о оазисе ?

*
**

В горах куда как ерепенится
Неумудренная река,
А по лугам течет, смиренница,
Не усекая берега.

Теперь себя как ни подхлестывай,
А не вкусить уже того
Сверканья обоюдоострого,
Восторга рикошетного.

Теперь выискивай, выкручивай
Приторможенные пути,
Петляй, плутай, хитри при случае,
Плетись под зарослью ползучею,
Тоскуй под ивою плакучею,
Но как ни гни свои излучины,
Тебе от моря не уйти.

БАЛЕРИНЕ

Чтоб рассказать, как у принцессы
Горит и мечется душа,
Ты заюлила мелким бесом,
Выделывая антраша.

Нет, нет ! неправда, дорогая:
Ты вся — как лилия в грозу !
Уже, меня опровергая,
Глаза, сужаясь и моргая,
Сдержать пытаются слезу !

Пляши, как пыль в луче весеннем,
И маловеру докажи:
Душа сродни телодвиженьям,
И ритм — движениям души.

(Есть связь между пера нажимом
И тайной духа моего —
Всегда меж зримым и незримым,
Как меж характером и гримом,
Найдется сходство и родство).

Пляши, как ямб в стихотвореньях,
Чтоб можно было ликовать
И помнить только о пареньях,
А о паденьях забывать:

Забыть, что зори пахнут кровью,
Что ночи прячутся в груди,
Что мы живем в межледниковье —
Льды сзади, холод впереди.

⁂

Море, холодный перпетуум мобиле,
В пену взбивающий просинь и прозелень,
Оземь швыряет волну за волной
Вниз головой.

Здесь поколение за поколением
Сплошь наказание без преступления,
И деловито в дали голубой
Стадо барашков (козлов отпущения ?)
Гонит прибой на убой.

*
**

Такие в мире есть пути,
Что их кривее не найти:

Коварно коршун вьет круги,
В обход пускаются враги,
Извилистей, чем след змеи,
Поползновения твои.

Но мчат по небу облака,
Но к хлебу тянется рука,
Но верный пес бежит домой
Одной дорогою — прямой.

А благодарная снегам,
Река гигантскими шагами
Весною — прямо по лугам,
Пренебрегая берегами . . .

Такие в мире есть пути,
Что их прямее не найти.

У ИСТОКОВ ГОРНОГО РУЧЬЯ

Я отдаю себе отчет
В том, чтó сюда меня влечет:
Здесь душу лечит, не калечит,
Здесь время, замедляя счет,
Смолой камедистой течет,
Созвездья ночью искры мечут,
Со мной играя в чет и нечет —
Я знаю всё наперечет.

Уже с золотоглазой мглою
Слились изломы дальних гор,
И под насупленной скалою
Покрылся розовой золою
Набушевавшийся костер.

Что это — воздух иль восторг
Рождает головокруженье ?
Кто это из земли исторг —
Ты слышишь ? — бормотанье, пенье,
Сердцебиенье, вдохновенье,
Незримых крыльев перешорх ?

Поэт подпочвенный — ручей,
Рождаясь исподволь, незрячий,
Ощупывает суть вещей,
Течет под камень нележачий
И, окрылен своей удачей,
Выходит на простор ночей,
Где, новой одержим задачей,
Поет, бренчит, вприпрыжку скачет
И всех поит, а сам — ничей.

(Под птичий щекот на дворе
Ручей бежит иначе — немо,
Весь в янтаре и в серебре,
А дятлы клювом по коре
Телеграфируют заре
Им в недрах найденные темы).

НОЧЬ НА ВЗМОРЬЕ

Развивается цепь соразмерных причин,
Увлеченных единою целью.
Блещет небо всей мощью подвижных пучин,
Ворожа над морской колыбелью.

Отразилась луна на приливной волне,
Порожденной ее притяженьем,
Хоть не знает вода ничего о луне,
Ни луна о своем отраженье.

И волна за волной, и звезда за звездой
Набухают в просторах вселенной,
И в латунные дюны швыряет прибой
Залпы грохота, соли и пены.

Этой звездносоленою смесью дыша
И колебля пытливое пламя,
Вдаль уходит, уходит, уходит душа,
Как свеча меж двумя зеркалами.

⁂

Вчера опять меня порадовал
Закат над горным перевалом —
Я до утра потом разгадывал,
Что в небесах наколдовал он.

Он надувался алым парусом,
Взлетал, как огненное знамя,
И словно мене-текел-фаресом
По небу сеял письменами.

Но нет, не предвещал он бедствия,
И шел по облачным ступеням,
Движеньем каждым соответствуя
Души новейшим ощущеньям.

В зрачках зверей, в закатном пламени,
В сплетеньях трав, в наклонах гор
Мне стали радостные знаменья
Являться с некоторых пор:

Исчезновение зияния,
Возникновение сияния,
Преображения печать —
С какими ениями, аниями,
Звукословосочетаниями
Попытаться их сличать ?

Один стою перед пророчеством —
Ни передать, ни повторить . . .
И страшновато одиночество,
И хочется благодарить.

⁂

Сегодня тихо на море,
Прозрачно на горе.
Вершина в лунном мраморе,
А море в серебре.

Сегодня тихо на небе,
И радостны пути
У всех, кому куда-нибудь
Случается идти.

Сегодня тихо на сердце,
И кажется, что впредь
Все сгладится и скрасится,
И примется добреть.

Такое облегчение,
Как будто бы и я
Единого течения
Послушная струя.

ОДА ЯБЛОКУ

О яблоко, хвала тебе, хвала !
Ты человечеству мерило и шкала.
Людей ты делишь на четыре рода,
И по тебе равняется природа.

Хозяин вечный, пахарь-одиночка
Уверен: яблоко есть яблоко и точка.
Любуясь яблонь розоватым цветом,
Навоз усердно возит он при этом.

Ему природа матерью бывает,
Поит и кормит, греет, одевает.

Второй владеет глиной, краской, речью
И воспевает яблочную встречу
С роскошных персей яблоневой пеной,
С богинями, раздором и Еленой.

Ему природа машет и смеется,
Пускает по миру, томит и отдается.

Плод яблони, пускай он свеж и сочен,
Для третьего источник червоточин:
Под яблоней сходились змий и Ева,
И яблоня не дерево, а древо.

Он издавна с природой не в ладу,
Зане гореть не хочется в аду.

След яблока упавшего, который
Четвертый видел в форме траекторий
Божественно-абстрактного движенья,
Стал тропкою к закону притяженья.

Четвертая — невтонова порода,
Пред ней склоняет голову природа.

МОЕЙ ГОРЕ

Содрогалась от схваток земная кора,
Рвались мышцы гранитов на части,
Прорезáлась, как темя младенца, гора,
И вулканы сияли от счастья.

Ты в потугах и муках на свет родилась,
А росла как ни в чем не бывало.
Еженощно закат за отрогами гас,
И заря ежедневно вставала.

И столетья катились живым серебром,
Как ручьи по расщелинам узким
Или лани, что бродят по тропам гуськом,
Серебристым мелькая огузком.

Ты живешь незатейливо, дышишь легко,
И судьба твоя не бесталанна —
Не горюй же, что статью тебе далеко
До Эльбруса или до Монблана.

Будь собой, не печалься и не подражай —
Ты ведь тоже дитя литосферы.
Не ходи к Магомету, мышей не рожай
И чужою не двигайся верой.

БЫЛИНКА

Не имея в распоряжении
Кроме нежности, ничего,
Как приводит она в движение
Белокнижное колдовство ?

Упираясь вершинкой тоненькой
В землю влажную, как ногой,
Под стотонной плитой бетонною
Выгибает себя дугой.

И оковы ее, которые
Не стащить и пяти волам,
Как в классической аллегории,
Разрываются пополам.

Есть примеры тому в истории,
А недавно и Мандельштам . . .

ВРЕМЕНА ГОДА

Весною рвется с гор река,
И рвутся девки в дамки,
И гром взрывает облака,
И рвут таланты рамки.

А летом светятся плоды,
И расстилаются сады,
Как скатерть-самобранка,
И млеют гордые стволы,
Как матери от похвалы,
И рвут таланты рамки.

А осенью все кап да кап,
Как из дырявой банки,
С деревьев кап, и кап со шляп,
И рвут таланты рамки.

И в листопад, и в ледоход
Веселых дел невпроворот,
Но хочется сердиться,
Когда, шалея от хлопот
Как оборвавшийся привод,
Как сор, попав в водоворот,
Бездарность суетится.

Та, что несется по черте,
Находит счастье в хомуте,
Глядит в музей или в клозет
С восторгом одинаковым,
А в общем — лишена примет,
Как абсолютный вакуум,
Как поле белое зимой,

Зимой, когда везде покой
(Лишь вьюги тянут лямки),
И в лед закована река,
И пьют вино у камелька,
И рвут таланты рамки.

УРОК БОТАНИКИ

Бутон зелено-матовый
Был взорван дивной силой,
Не темной, внутриатомной,
А зрячей, легкокрылой.

Он век ее наращивал,
Чтоб зацвести, расправясь,
Дать радость настоящему,
А будущему — завязь.

Чтоб стать по смерти семенем,
Сокровищницей генной,
И сделать смерть лишь временной
Знаменоносцев сменой.

Все рассчитав до тонкостей,
Он развернулся в утро
Всем спектром, по-ньютоновски,
От инфра и до ультра.

Он ждал благого вестника,
Как ждут поэты строчку —
Пыльцу на рыльце пестика
Или на семяпочку.

И украшал цветением,
И окружал восторгом
Акт оплодотворения —
Процесс его и орган.

Есть лексика цветочная
И точная в природе:
За словом « непорочное » —
Зачатье, не бесплодье !

Лишь мы зовем греховными
Альковные понятья
И не сочтем верховными
Любовные объятья.

Для них у нас и слов еще
Не найдено поэтами,
И путаем чудовищно,
И мямлим мы поэтому.

Спасаясь от вульгарности,
Кружим в высокопарности
Или, стыдясь сусальности,
Соскальзываем в сальности.

ЦВЕТОК
(Второй урок ботаники)

Чтоб звездочкой лучистою
Подняться над травой,
Подперся он плечистою
Системой корневой.

И нежен только с виду он,
А так — шершав и груб.
Не даст себя в обиду он,
Колючий себялюб.

Раздувшись от тщеславия,
Он сам собою занят,
Плюет на равноправие
И только соки тянет.

Как гений самомнения
Стоит он перед нами,
И не идет в сравнение
Он с нашими отцами.

Отцы питались — измами,
Идеями своими,
И жертвовали жизнями
« За дело » и « Во имя ».

Стремились к бескорыстию
И брезговали славой,
И шли, душою чистые,
На бой святой и правый.

Отцы — они радетели
О счастии народа
По нормам добродетели
Семнадцатого года.

Они рукою дерзкою
Историю творили
И нас в такую мерзкую
Историю втравили.

А у цветка — содружество:
Союз тонов и линий,
Где желтый вяжет кружево
И мечет бисер — синий.

А у цветка — решение:
Небрежность поворота,
Полета совершеннее
Иллюзия полета.

Растет себе, качается
И тянется в зенит,
С душой моей встречается,
Со звездами звенит.

Бог знает, сколько радостей
Приносит эгоизм,
Черт знает, сколько гадостей
Наделал альтруизм.

*
**

Я свободен, как бродяга,
И шатаюсь налегке
Там, где раньше Миннегага
Проплывала в челноке.

Где с естественною силой
В каждом камне и листке
С ней природа говорила
На индейском языке.

Та эпоха отгорела,
Облетела, как цветок,
И теперь иное дело,
Пришлый лад и новый слог.

Шпорник, заячья капуста,
Мята, дикий виноград,
Выражая свои чувства,
По-английски говорят.

Речи саксов, честной, краткой,
Не чуждается мой слух,
Но к наитьям и отгадкам
Я — увы ! — в ней тугоух.

Мне родной язык роднее,
Восхитительнее всех,
Мил мне в нем и стук спондея,
И пиррихия разбег.

Я прислушиваюсь чутко,
Но никак не разберу —
То ли память шутит шутку,
То ли ум ведет игру,
То ли в голос учат листья
Речи новые свои:

« Вы откуда собралися,
« Колокольчики мои ?
« В праздник, вечером росистым
« Дятел носом тук да тук.
« Песни, вздохи, клики, свисты
« Не пустой для сердца звук.
« Шепот. Робкое дыханье.
« Тень деревьев, злак долин.
« Дольней лозы прозябанье.
« Колокольчик дин-дин-дин . . . »

К РУССКОЙ РЕЧИ

Школярством набьешь ты оскому —
Беги, как сосед от ухи,
Скорее к родимому дому:
К просвирням, на рынок, в стихи !

На говор иди человечий,
Катись на простор просторечий,
Хиляй в воровские жаргоны,
Ныряй без плацкарты в вагоны,
В объятья вались к подмастерьям,
Под перья ложись к мастерам,
Но — кукиш ученым материям
И их очумелым пирам !

Беги академий и мумий
И снова, как прежде, во дни
Сомнений и тяжких раздумий
Свободу свою сохрани.

ОТКРЫТИЕ СТИХА

Приглядись к стиху — увидишь:
Открывается всегда,
Как шампанское, как Китеж,
Как сверхновая звезда.
И как ларчик, и как рана,
И как древняя страна,
Как объятье — без обмана,
Как родник весной — до дна.

Кто в стихи глядит как в воду,
Открывает, окрылен,
В них случайность и закон,
Подчиненье и свободу,
Тяжкий труд и легкий звон,
Смерти смех и жизни стон,
Словом, открывает он
(Словом открывает он !)
В них явление природы.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Шагаю путаной дорогой 5
Закат вчерашний не поблек 7
Душе 8
Среди туманностей цепных 10
...И развевался в отдаленье 11
Ты смотришь, как рушатся рощи 12
« Не убежишь ! Хоть круть, хоть верть 13
Осенний жалуется норд 14
Аббату 17
Клубились ночи у реки 18
За каждою гранью — свое мироздание 20
Шагает, как военнопленный 21
Все то, что мы боготворим 23
Разговор о Елене Келлер 24
Уходит осень по тропинке 25
Не горюй, не горюй — ветер с юга идет 26
По тревоге, на весну нохожей 27
Слова 28
У словарей 29
Ответ на ноту 31
Поэты атомного племени 33
Ода эволюции 34
Башня 35
Повисла ива у обрыва 36
Сжигая черновики 37
Звезда на небе. Сколько слез и слов 38
Поток и лужи 39
Встреча с зарей 40
В отходящем, уже холодеющем дне . . . . . . , 41
Ткань двойная 42
На закате 43
Только руками кусты раздвину 45
В горах куда как ерепенится 46
Балерине 47
Море, холодный перпетуум мобиле 48
Такие в мире есть пути 49
У истоков горного ручья 50
Ночь на взморье 52
Вчера опять меня порадовал 53
Сегодня тихо на море 54
Ода яблоку 55
Моей горе 57
Былинка 58
Времена года 59
Урок ботаники 61
Цветок (Второй урок ботаники) 63
Я свободен, как бродяга 65
К русской речи 67
Открытие стиха 68

A. ROSSEELS PRINTING C°
70, rue du Canal — Louvain
☎ (016) 219.62 — Belgium